СТОИЧЕСКИЙ ОПТИМИЗМ МАРКА АВРЕЛИЯ

С. Н. Кочеров
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)
kocherov@yandex.ru

Sergey Kocherov
National Research University «Higher School of Economics» – Nizhny Novgorod

Stoic Optimism of Marcus Aurelius

Abstract. The article is aimed to confute the belief held about the nature of the worldview of Marcus Aurelius as pessimistic. The analysis of the "Meditations" demonstrates that the text represents a dialogue between a Stoic sage and an ordinary man, Marcus Aurelius being in the guise of both. The article proves that the guidance of the philosopher king is positive in its nature, calling one to fulfill manfully his duties aimed at the welfare of the World and Rome while manifesting love to people and showing no fear of failure, suffering or death. I conclude that a comprehensive analysis of the "Meditations" of the Roman emperor, which contains both the historical and existential background of his personality, is still necessary.

Keywords: the worldview of Marcus Aurelius, the internal dialogue, the stoic sage, the fulfillment of duty to the World and Rome.

Характеристика учений римских стоиков, особенно Марка Аврелия, как пессимистических является «общим местом» многих работ, посвященных изучению Поздней Стои. «Пессимистический героизм» (А. Н. Чанышев), «разочарованность, усталость» (В. Г. Иванов), «трагическая безысходность» (А. А. Столяров) – не крайние оценки ведущих мотивов, пронизывающих *Размышления* «философа на троне». Например, А. Ф Лосев утверждал, что философия Марка Аврелия «возникла из чувства полной беспомощности, слабости, ничтожества и покинутости человека, доходящей до совершенного отчаяния и безысходности» (Лосев 2010, 314). Сходное отношение к *Раз-*

мышлениям наблюдается и у ряда ученых на Западе, несмотря на преобладающую там в последнее время тенденцию к «оправданию стоицизма». Так, П. Вендланд говорит о «мрачном смирении» Марка Аврелия, Дж. М. Рист – о его «скептицизме», а Р. Доддс отмечает «вечную самокритику», которой предается «последний стоик» (см. Адо 2005, 131).

Разумеется, каждая из приведенных оценок может быть подкреплена теми или иными цитатами из произведения Марка Аврелия. К тому же они хорошо соответствуют историко-философской схеме, по которой римский стоицизм исчерпал принцип эллинистического субъективизма и явился переходным этапом между «стоическим платонизмом» и неоплатонизмом. Но, при своей солидности, эти утверждения представляются, на наш взгляд, спорными. Во-первых, если римский стоицизм имел пессимистический и упадочнический характер, как он мог стать почти официальной идеологией в «золотой век» Антонинов, являвшийся временем расцвета Римской империи? Как могли римляне из высших и средних сословий того времени, воспитанные в духе выполнения долга перед своим государством, обрести духовную опору в учении, проповедующем «разочарованность», «усталость» и «безысходность». Во-вторых, как тогда сочетаются «скептицизм» и «мрачное смирение» Марка Аврелия с его разумным и энергичным правлением? Ничто в успешной деятельности этого императора не указывает на чувство «беспомощности, слабости, ничтожества и покинутости», о котором пишут исследователи. Здесь одно из двух: либо «философ на троне» пребывал в неведомом для его современников глубоком разладе с самим собой, либо он выработал позитивное умонастроение, позволявшее сочетать его государственную деятельность с философскими занятиями.

Прежде чем приступить к анализу труда Марка Аврелия, следует определить его философско-литературный жанр. Многие отечественные и зарубежные исследователи склонны трактовать *Размышления* как личные записи императора, которым он поверял свои интимные мысли. Так, А. А. Столяров характеризует их как «своеобразный философский дневник, содержащий часто не связанные между собою сентенции моральнонаставительного характера; с теми или иными оговорками книга отвечает жанру диатрибы» (Столяров 1995, 318). А. А Гусейнов и Г. Иррлитц видят в трудах поздних стоиков, включая Марка Аврелия, форму морализирования – «такой жизненной позиции и такого мироощущения, которые, с одной стороны, отвергают безнравственную действительность, а с другой примиряют с ней…» (Гусейнов, Иррлитц 1987, 184). Некоторые зарубежные авторы идут еще дальше, находя в заметках Марка Аврелия проявления болезни:

острого кризиса идентификации личности (Р. Доддс) или язвы желудка (Р. Дайи и Х. ван Эффентерре).

Однако не все исследователи согласны с тем, что *Размышления* – это личный дневник Марка Аврелия, записи которого можно трактовать буквально. Например, П. Адо приводит немало аргументов в пользу того, что «пессимистические формулы Марка Аврелия являются вовсе не выражением личных взглядов пресыщенного императора, но духовными упражнениями, практиковавшимися в соответствии со строгой методикой» (Адо 2005, 134). Не следует также забывать, что, как напоминает Э. Вигардт, стоицизм представляет собой «философию для жизни», т. е. не только и не столько теоретическую систему, но прежде всего «практическое применение древней мудрости, образ жизни и руководство к действию» (Wiegardt 2010, 5). Само отнесение *Размышлений* к жанру диатрибы (проповедь) или парэнезы (увещевание) предполагает наличие диалога. Он ведется как беседа между «наставником» и «учеником», роли которых четко определены: первый проповедует, второй – вопрошает и слушает. Сенека увещевал Луцилия, Эпиктет наставлял Арриана. Марк Аврелий, как известно, предпочитал разговоры «наедине с собой», но это также диалоги, только внутренние. Кто же выступает в его *Размышлениях* наставником, а кто – учеником?

Об этом можно получить представление по одному из таких диалогов: «Не признаешь того, что, казалось, причиняет тебе печаль, и вот сам ты уже в полной безопасности. – Кто это сам? – Разум. – Так я же не разум. – Будь. И пусть разум себя самого не печалит» (VIII, 40). Специфичным для Марка Аврелия как стоика было то, что наряду с телом и душой он выделял в человеке третье начало – разум, который называл также «умом», «ведущим началом», «гением». Лучше разума для человека ничего нет, «ибо одно – разум и гений, другое – земля и грязь» (III, 3), он роднит его с богами и указывает ему подлинное призвание, тождественное выполнению долга. Но человек редко живет соответственно «истинно надлежащему», будучи подвержен влиянию тела и души, внешних обстоятельств и своего окружения. Вот и приходится разуму наставлять его на путь истинный, напоминая ему, что «приводящее в движение – это то, спрятанное внутри; это там убедительное слово, там жизнь, там, скажем прямо, человек» (X, 38). Поэтому, на наш взгляд, записи Марка Аврелия можно понять как разговор стоического мудреца (разумного, добродетельного, призывающего к исполнению долга) с обычным человеком (чувственно-волевым, податливым к удовольствиям тела и души), проявления которого он признает и в себе.

Марк Аврелий возвращается к положению этики Зенона, согласно которому конечная цель человека – это жить согласно (точнее, «со-разумно») с

природой, и не во всем принимает дополнение Хрисиппа, учившего, что добродетельная жизнь – это то же, что жить по природе человека, поскольку его природа есть часть природы целого. Он не возражает против этого тезиса прямо, призывая «о том всегда помнить, какова природа целого и какова моя, и как эта относится к той, и какой частью какого целого является, а еще что никого нет, кто воспрещал бы и делать и говорить всегда сообразно природе, частью которой являешься» (II, 9). Но разумная жизнь «части целого» иногда не ведет к подлинному благу, так как «руководствоваться умом, когда нечто представилось как надлежащее, – это и для тех, кто в богов не верует, бросает родину или берется действовать, разве что заперев двери» (III, 16). Чтобы всегда выбирать «совершенно надлежащее», необходимо достичь состояния стоического мудреца, обладающего таким духовным складом, при котором разум и добродетель тождественны. Это выше сил обычного человека, природа которого есть лишь часть целого, стало быть, не обладает полнотой и совершенством. Потому человеку следует чаще видеть все проявления своей жизни такими, каковы они есть «поистине», что прекрасно соответствует задачам духовной медитации и морализирования.

Согласно Марку Аврелию, для усвоения правильных убеждений о жизни человеку следует осознать свою мизерность по сравнению с вечным миром. «Помни о всеобщем естестве, – наставляет он, – к коему ты такой малостью причастен, и о всецелом веке, коего краткий и ничтожный отрезок тебе отмерен, и о судьбах, в которых какова вообще твоя часть?» (V, 24). Кроме того, он призывает подходить к человеку, «рассматривая его естество во всей наготе», чтобы видеть, «каковы те, кто ест, спит, покрывает, испражняется и прочее; затем, каковы самовластные, горделивые, досадующие, порицающие свысока – а ведь немного перед тем, чему они только не рабствовали, и чего ради...» (X, 19). Марк Аврелий находит прекрасным у Платона совет: «когда о людях судишь, надо рассматривать все наземное как бы откуда-то сверху: поочередно стада, войска, села, свадьбы, разводы, рождение и смерть, толчею в судах, пустынные места, пестрые варварские народы, праздники, плач, рынки, совершенную смесь и складывающийся из противоположностей порядок» (VII, 48).

На наш взгляд, лишь исходя из такой «космической перспективы», можно адекватно понять фрагменты из *Размышлений*, которые чаще всего приводят как аргументы, подтверждающие беспросветный пессимизм Марка Аврелия. «Срок человеческой жизни – точка; естество – текуче; ощущения – темны, соединение целого тела – тленно; душа – волчок, судьба – непостижима, слава – невзыскательна. Сказать короче: река – все телесное, слепота и сон – все душевное; жизнь – война, пребывание на чужбине, а воспомина-

ние – то же, что забвение» (II, 17). Или: «Александр Македонский и погонщик его мулов умерли и стали одно и то же – либо приняты в тот же осеменяющий разум, либо одинаково распались на атомы» (VI, 24). Или: «Паук изловил муху и горд, другой кто – зайца, третий выловил мережей сардину, четвертый, скажем, вепря, еще кто-то медведей, иной – сарматов. А не насильники ли они все, если разобрать их основоположения?» (X, 10). И приговором звучит вывод, выносимый миру людей: «Детские распри, забавы; души, таскающие своих мертвецов, – перед тобой действительный мир теней» (IX, 24). Кажется, какие еще нужны доказательства для убеждения в том, что для Марка Аврелия ничто земное не заслуживало серьезности, и участь человека достойна лишь презрения?!

Но если вдуматься в слова «философа на троне», что соседствуют с приведенными выше сентенциями, это по видимости полное отрицание за человеческой жизнью какого-либо смысла, ценности и достоинства не выдерживает критики. Так, после тирады о бренности земного бытия Марк Аврелий говорит: «Что может сопутствовать нам? Одно и единственное – философия. Она в том, чтобы беречь от глумления и от ран живущего внутри гения, того, который сильнее наслаждения и боли, ничего не делает случайно, лживо и притворно, не нуждается в том, чтобы другой сделал что-нибудь или не сделал; который принимает, что случается или уделено, ибо оно идет в целом оттуда же, откуда он сам...» (II, 17). Гений, или разум не только утешает человека, но и учит его правильному отношению к вещам. Согласно стоической доктрине, оно состоит в том, чтобы различать добро и зло, помня о том, что жизнь и смерть, слава и безвестность, страдания и наслаждения, богатство и бедность выпадают на долю и хороших, и плохих людей, а потому относятся к области безразличного. Поэтому, наставляет Марк Аврелий, «за исключением добродетели и того, что от нее происходит, не забывай спешить к составляющим, а выделив их, приходить к пренебрежению. Это же переноси на жизнь вообще» (XI, 2).

Так что для «философа на троне» признание малости человеческой жизни является не конечной оценкой бытия homo sapiens, а началом его освобождения от ложных ценностей и мнимого величия. В этом отношении поучительно сравнение *Размышлений* с *Книгой Екклесиаста*. Библейский царь также задался целью «исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом» (1: 13) и пришел к выводу, что «во многой мудрости много печали» (1: 18) и что «все – суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем!» (2: 11). Римский император, хотя и находит в жизни человека много тленного (особенно суетным он считает стремление к славе), не ограничивается констатацией, что «все суета!», но предлагает изменить отношение к

миру. Марк Аврелий словно стремится разобрать человеческую жизнь со всеми ее влечениями по кирпичу, до самой основы, чтобы на более надежном фундаменте возвести новое, прекрасное строение. Поэтому изложению того, каким должно быть отношение к миру и людям, «философ на троне» уделяет больше внимания, чем описанию ничтожности человека, каким оно видится при его сравнении с масштабами вечной природы. Как бы ни был мал человек, гармония между ним и миром возможна, поскольку «для разумного существа, что содеяно по природе, то и по разуму» (VII, 11), из чего следует важное для жизни правило: «По разуму твоей природы никто тебе жить не воспрепятствует; против разума общей природы – ничто с тобою не произойдет» (VI, 58).

Для Марка Аврелия главная причина того, почему люди в своей массе ведут ничтожное существование, состоит в том, что они отпадают от природы Целого, выбиваются из всеобщей связи всех со всеми в этом мире. Между тем «разум целого общественен – сделал же он худшее ради лучшего, а в лучшем приладил одно к другому. Ты видишь ли, как он все подчинил, сочинил, всякому воздал по достоинству и господствующее привел к единодушию друг с другом» (V, 30). В этом сказалась известная верность Марка Аврелия учению Древней Стои. Как пишет М. Форшнер, с точки зрения стоиков, «человеческая жизнь становится свободной, когда она преодолевает свою обособленность, переживает и рассматривает себя всего лишь как часть целого, причем “целое” означает не политическое сообщество, или все человечество, но божественную универсальную природу и ее события» (Forschner 1981, 203). Однако «последний стоик» включает в назначение человека как существа разумного не только следование природе и разуму, но и установлениям «старейшего града» и государства.

«Ничто так не возвышает душу, – сообщает Марк Аврелий, – как способность надежно и точно выверить все, что выпадает в жизни и еще так смотреть на это, чтобы заодно охватывать и то, в каком таком мире и какой такой прок оно дает, и какую ценность имеет для целого, а какую для человека, гражданина высочайшего града, в котором остальные города – что-то вроде домов» (III, 11). Мир представляется ему подобным Граду, откуда исходит духовное, разумное и законное начало, и все люди являются гражданами этого государства – «града Зевса». Здесь обязанности человека перед природой целого органично переходят в его обязанности перед мировым государством, земной проекцией которого для автора *Размышлений* естественно была Римская империя. С этим связано его известное признание: «А полезно каждому то, что по его строению и природе, моя же природа разумная и гражданственная. Город и отечество мне, Антонину – Рим, а

мне, человеку – мир. А значит, что этим городам на пользу, то мне только и благо» (VI, 44). Так Марк Аврелий философски обобщил «национальную идею» Рима, которую за 150 лет до него поэтически выразил Овидий:

«Римлянин! Ты научись народами править державно –
В этом искусство твое! – налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных»
(*Энеида*, книга VI, стихи 851–853; пер. С. Ошерова).

Из выполнения долга перед Миром и Градом, согласно Марку Аврелию, вытекают и обязанности человека по отношению к своим согражданам. На первый взгляд, автор *Размышлений* невысоко ценит людей, которые в большинстве своем ведут неразумную и безнравственную жизнь. Так, он ставит себе правилом: «С утра говорить себе наперед: встречусь с суетным, с неблагодарным, дерзким, с хитрецом, с алчным, необщественным. Все это произошло с ними по неведению добра и зла» (II, 1). Однако здесь же он пишет: «А я усмотрел в природе добра, что оно прекрасно, а в природе зла, что оно постыдно, а еще в природе погрешающего, что он родствен мне – не по крови и семени, а причастностью к разуму и божественному наделу. И что ни от кого из них не могу я потерпеть вреда – ведь в постыдное никто меня не ввергает, а на родственного не могу же я сердиться или держаться в стороне от него, раз мы родились для общего дела...» (II, 1). Поэтому к человеческим слабостям и проступкам император призывает относиться не с презрением, а снисходительно, если только они не отвлекают от выполнения своего долга. «В некотором отношении, – говорит Марк Аврелий, – мы чрезвычайно расположены к человеку, поскольку надо делать им хорошее и терпеть их. А поскольку иные вмешиваются в близкое мне дело, человек уходит для меня в безразличное, не хуже солнца, ветра, зверя» (V, 20).

Люди, согласно автору *Размышлений*, остаются все теми же, меняются лишь времена (IV, 32), поэтому они всегда будут делать одно и то же, как ты ни бейся (VIII, 4). Остается воздействовать на них силой разума или добрым примером, поскольку «люди рождены друг для друга. Значит, переучивай или переноси» (VIII, 59). Терпимость к человеческим заблуждениям у Марка Аврелия столь велика, что он призывает «любить и тех, кто промахнулся» (VII, 22), стоически замечая: «Какие уж выпали обстоятельства, к тем и прилаживайся, и какие пришлись люди, тех люби, да искренно!» (VI, 39). Как ни странно, для «разочарованного и усталого» человека, каким его порой видят, император включает в свои ценностные приоритеты любовь к людям. Так, он наставляет себя: «С мужеской, с римской твердостью помышляй всякий час, чтобы делать то, что в руках у тебя, с надежной и ненарочитой значительностью, любовно, благородно, справедливо, доставив себе досуг

от всех прочих представлений» (II, 5). При этом он вменяет себе в закон «быть похожим на утес, о который неустанно бьется волна» (IV, 49). Остается загадкой, как с такой манифестацией мужественного начала соотносятся слова о том, что у Марка Аврелия как у позднего стоика «ведущими чертами в человеке являются не гордость, достоинство, уверенность и внутренняя непоколебимость, а скорее слабость, ощущение ничтожности, растерянность, надломленность под ударами судьбы» (Гусейнов, Иррлитц 1987, 181).

Такое же мужественное начало проявляется у Марка Аврелия в его отношении к смерти, о которой он многократно говорит в *Размышлениях*. Прежде всего, смерть для «философа на троне» есть явление обычное и известное, «как роза весной и виноград осенью», обусловленное кратким временем, отпущенным человеку в этом мире. Отсюда сравнение жизни с кораблем, а смерти – с гаванью: «сел, поплыл, приехал, вылезай» (III, 3). Марк Аврелий воспринимает уход из жизни без страха, а стремление отсрочить смерть как можно дольше – с негодованием. Он одобряет «обывательское, но действенное средство, чтобы презирать смерть – держать перед глазами тех, кто скаредно цеплялся за жизнь» (IV, 50). Марк Аврелий выдвигает против человеческого ужаса перед смертью целый ряд аргументов. Во-первых, в быстром и мутном потоке времени человеку нужно не тяготиться своими бедами, а утешать себя ожиданием естественного конца, живя в согласии с природой целого, своим богом и гением (V, 10). Во-вторых, смерти в абсолютном смысле нет, поскольку человек состоит из причинного и вещественного начала, из которых ни одно не уничтожается в небытие, как и не возникло из небытия (V, 13). В-третьих, memento mori («помни о смерти») помогает вырваться из мирской суеты и сосредоточиться в жизни на главном – «чтить и славить богов, а людям делать добро» (V, 33).

Богам в *Размышлениях* отводится важное место. «Уйти от людей не страшно, – пишет Марк Аврелий, – если есть боги, потому что во зло они тебя не ввергнут. Если же их нет или у них заботы нет о человеческих делах, то что мне и жить в мире, где нет божества, где промысла нет?» (II, 11). В мировоззрении «философа на троне» боги выступают гарантами разума и порядка в этом мире, альтернативой им является смешение и путаница атомов, роковая необходимость или царство случая (IV, 27; IX, 28; XII, 14). *Размышления* содержат россыпи советов «чтить богов», «быть послушным богам», «призывать богов». Однако можно ли на основании очевидной религиозности Марка Аврелия согласиться с тем, что у него «в невероятной степени возрастает обращение к божеству, вера в божественное откровение», что он, как и Эпиктет, «настолько низкого мнения о человеческой душе, что единственный выход для них – это только милость божья» (Лосев

2010, 314, 317)? На наш взгляд, опровержение этой безапелляционной оценки содержится в словах самого Марка Аврелия, что, если боги не вмешиваются в дела людей, то человек способен сам делать то, что ему полезно (VI, 44). Более того, если даже нет никаких богов, а только атомы и пустота, то и тогда человек может положиться на свой разум (XII, 14). Причем, для императора важно, чтобы эта готовность разумной души исходила «от собственного суждения, а не из голой воинственности, как у христиан, – нет, обдуманно, строго, убедительно и для других, без театральности» (XI, 3). И даже фразу Марка Аврелия «если промысел, допускающий умилостивление, – будь достоин божественной помощи» (XII, 14) следует понимать скорее не как надежду на милость божью, а как веру в помощь богов тем, кто делает свое дело. Как это случилось во время войны с квадами, когда небеса послали римскому войску, страдавшему от жажды, благодатную грозу.

Но, пожалуй, ничто не свидетельствует о стоическом оптимизме Марка Аврелия так явно, как его отношение к земной жизни. На первый взгляд, в свете многих приведенных выше цитат из *Размышлений* земное бытие должно было бы казаться их автору тяжким испытанием для человека, а уход из него – желанным облегчением. Он и сам признает, что «искусство жить похоже скорее на искусство борьбы, чем танца, потому что надо твердо и с готовностью к неожиданному, а не к известному заранее стоять» (VII, 61). Тем более неожиданно слышать от него, что «должно принимать с нежностью все то, что с тобой случается» (V, 8). И, что самое удивительное, в этой жизни, полной борьбы и страданий и обреченной на смерть и забвение, «философ на троне» находит немало причин для радости. «У всякого своя радость, – делится император. – У меня вот – когда здраво мое ведущее и не отвращается ни от кого из людей и ни от чего, что случается с людьми, а напротив, взирает на все доброжелательным взором, все приемлет и всем распоряжается по достоинству» (VIII, 43). Причем, радостное состояние духа, по его мнению, вполне сочетается с человеческой природой. Это следует из того, что «радость человеку – делать то, что человеку свойственно. А свойственна человеку благожелательность к соплеменникам, небрежение к чувственным движениям, суждение об убедительности представлений, созерцание всеобщей природы и того, что происходит в согласии с ней» (VIII, 26). Знаменательно, что радость возможна лишь в общении с себе подобными. «Когда хочешь ободрить себя, – советует Марк Аврелий, – помысли различные преимущества твоих современников: предприимчивость этого, скромность того, щедрость третьего, у другого еще что-нибудь. Ведь ничто так не ободряет, как явленное в правах живущих рядом людей воплощение доблестей, особенно когда они случатся вместе» (VI, 48).

Чувство радости закономерно переходит у Марка Аврелия в состояние счастья. Конечно, это счастье в понимании стоика, которое имеет опору в его убеждении, что «ни с кем не случается ничего, что не дано ему вынести» (V, 18). Поэтому автор *Размышлений* и наставляет: «во всем, что наводит на тебя печаль, надо опираться на такое положение: не это несчастье, а мужественно переносить это – счастье» (IV, 49). Вместе с тем он признает и другие виды счастья, не связанные с преодолением страданий и невзгод. Так, можно обрести счастье, следуя благими путями и составляя благие убеждения (V, 34). Марк Аврелий даже полагает, что куда бы ни попал человек, он может быть счастлив, поскольку счастливым («благополучным») можно назвать любого, «кто избрал себе благую участь, а благая участь – это благие развороты души, благие устремления, благие деянья» (V, 36). В целом же, согласно Марку Аврелию, при правильном отношении к жизни человек обладает всем, что ему необходимо для счастья. «Все, к чему мечтаешь прийти со временем, – убеждает он, – может быть сейчас твое, если к себе же не будешь скуп, то есть если оставишь все прошлое, будущее поручишь промыслу, и только с настоящим станешь справляться праведно и справедливо. Праведно – это с любовью к тому, что уделяет судьба, раз природа принесла тебе это, а тебя этому. А справедливо – это благородно и без обиняков высказывая правду и поступая по закону и по достоинству» (XII, 1). При всей морально-психологической сложности данного отношения к жизни такой настрой никак нельзя назвать «трагической безысходностью».

Таким образом, при некотором изменении перспективы учение Марка Аврелия предстает как мировоззрение, обладающее оптимистическими чертами. Конечно, это не оптимизм гедонистов, стремящихся испытать как можно больше удовольствий и претерпеть как можно меньше вреда. Это не оптимизм эпикурейцев, ищущих безмятежное существование в дружеском общении вдали от общественных волнений. И, тем более, не оптимизм первых христиан, видящих в страданиях души и тела в этом мире надежду на обретение блаженства в жизни вечной. Марк Аврелий в *Размышлениях* демонстрирует иной вид оптимизма как положительного умонастроения, призывающего не впадать в уныние из-за неудач, верить в успешный исход любого начинания и возможность победы добра над злом. Основой его доверительного отношения к миру является убеждение в разумности его устроения и функционирования. «Если чужой миру тот, – говорит император, – кто не знает, что в нем есть, не менее чужой, кто не ведает, что в нем происходит. Изгнанник, кто бежит гражданского разумения; слепец, кто близорук умственным оком; нищ, кто нуждается в чем-то, у кого при себе не все, что нужно для жизни; нарыв на мире, кто отрывается и отделяет себя от

всеобщей природы...» (IV, 29). Важно, что Марк Аврелий, гипотетически допуская (хотя и не принимая) отсутствие богов или их неучастие в людских делах, не ставит под сомнение разумность мира. Даже если существуют лишь атомы и пустота, причинное начало, т. е. разум, с миром едины, и ничто не мешает человеку поступать разумно (X, 6; XII, 14). Поэтому нам трудно согласиться с мнением, что в *Размышлениях* «первоначальный императив: стыдись жить неразумно, когда мир так разумен, сменялся другим: старайся жить так, как если бы космос был разумен» (Столяров 1995, 320).

Принимая как аксиому своей философии разумность мира, Марк Аврелий не отказывается и от идеала стоического мудреца как нормативной личности. Выше уже высказывалось предположение, что стоический мудрец – это alter ego автора *Размышлений*, который наставляет его как человека и императора. Специфичным здесь является, пожалуй, то, что этот стоический мудрец не греческого изваяния, а римской закалки, и говорит он не с вольным интеллектуалом, не обремененным общественными обязанностями, а с государственным деятелем, погруженным в управление мировой империей. «Пусть бог, что в тебе, – увещевает он, – будет покровитель существа мужеского, зрелого, гражданственного, римлянина, правителя, того, кто сам поставил себя в строй и по зову трубы с легкостью уйдет из жизни, не нуждаясь ни в клятвах, ни в людском свидетельстве; в нем одно веселие и независимость от помощи другого и независимость от того покоя, который зависит от других» (III, 5). Поэтому демонстрации своей свободы от общества, которая была характерна для идеала мудреца Древней Стои, здесь противостоит служение общему благу, что находит выражение не в словах, а в делах. «И на Платоново государство не надейся, – учит римский стоик, – довольствуйся, если самую малость продвинется. И когда хоть такое получится – за малое не почитай» (IX, 29). В остальном же перед нами все тот же стоический мудрец, в котором «идея моральной свободы достигает пластической формы» (Polenz 1966, 139), разумно-добродетельная личность, убежденная в том, что «одно только и стоит здесь многого: жить всегда по правде и справедливости, желая добра обидчикам и лжецам!» (VI, 47).

Почему же, несмотря на ясный слог и внятные мысли Марка Аврелия, исследователи вот уже 18 веков приходят порой к противоположным оценкам его учения? Конечно, главная причина разнобоя мнений о нем заключается в том, что *Размышления* Марка Аврелия противоречивы, парадоксальным образом сочетая в себе философскую надвременность и практическое погружение во временность (А. Н. Чанышев). В некоторых случаях в работах, посвященных «философу на троне», можно отметить имеющую место подмену анализа его мировоззрения выражением своего

отношения к нему. Сказывается и обыкновение воспринимать учение Марка Аврелия в исторической ретроспективе, преувеличивая его пессимизм через призму наступающего упадка Римской империи, несмотря на то, что его жизненный век пришелся на период ее могущества и расцвета. На наш взгляд, известная односторонность в оценках философии Марка Аврелия, отчасти обусловленная привычкой видеть в его записях не связанные между собою морально-наставительные сентенции, которые не укладываются в единую систему, во многом вызвана отсутствием комплексного подхода к ней. Такой подход, который соединил бы исследование времени, деятельности и *Размышлений* Марка Аврелия с экзистенциально-феноменологическим анализом его личности, вероятно, есть дело будущего.

Библиография

Адо, П. (2005) «Марк Аврелий», Адо, П. *Духовные упражнения и античная философия*. Москва; Санкт-Петербург, Степной ветер; ИД Коло, 127–196.

Гусейнов, А. А. Иррлитц, Г. (1987) *Краткая история этики*. Москва, Мысль, 165–184.

Диоген Лаэртский (1979) *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. Пер. М. Л. Гаспарова. Москва, Мысль, 269–331.

Лосев, А. Ф. (2010) «Эллинистически-римская эстетика», Лосев, А. Ф. *Юбилейное собр. соч*. Т. 9. Москва, Мысль, 289–323.

Марк Аврелий (1985) *Размышления*, пер. А. К. Гаврилова. Ленинград, Наука, 5–72.

Столяров, А. А. (1995) *Стоя и стоицизм*. Москва, Ками Груп.

Forschner, M. (1981) *Die Stoische Ethik: über den Zusammenhang von Natur-, Sprach- und Moralphilosophie im altstoischen System*. Stuttgart, Klett-Cotta.

Polenz, M. (1966) *Freedom in Greek Life and Thought. The History of an Ideal*. Dordrecht, Reidel.

Wiegardt, E. (2010) *The Stoic Handbook*. San Diego, California, Wordsmith Press.